

ТАЙНЫЕ ПИСЬМА

ВЕЛИКИХ ЛЮДЕЙ

- ВОЛЬТЕР • ГЁТЕ • ШИЛЛЕР • НАПОЛЕОН • СТЕНДАЛЬ •
- БЕТХОВЕН • ГЕЙНЕ • БАЙРОН • ЖОРЖ САНД • ЭДГАР ПО •
- БИСМАРК • ЕКАТЕРИНА II • ПУШКИН • ГЕРЦЕН •

В тот день, когда твое сердце не будет больше мне принадлежать, —
мир утратит для меня всю свою прелесть и соблазн

Наполеон Бонапарт

Сборник

Александра Николаевна Чеботаревская

Тайные письма великих людей

Серия «Тайные письма великих»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29763422

Тайные письма великих людей / сост. А. Чеботаревской ; предисл. Ф.

Сологуба: АСТ; Москва; 2018

ISBN 978-5-17-104738-2

Аннотация

Все тайное, сокрытое, все, что отражалось в амальгаме времени, когда-нибудь проступает сквозь хронологическую патину, пусть не четким, пусть размытым контуром, но все же – становится явным. Равно как и рукописи, письма не горят. Хотя некоторые из них, по умыслу их авторов и адресатов, должны были бы обратиться в пепел... «Тайные письма великих людей» – собрание корреспонденции, которая вовсе не предназначалась для постороннего прочтения. Тем не менее, благодаря коллизиям судьбы, а иногда по умыслу или неосторожности, некоторые эпистолы дошли до современного читателя. Это прелюбопытнейшие иллюстрации куртуазных нравов XVIII–XIX веков, будто заново наполняют жизнью тени прошлого, и тени ложатся на памятники, и памятники оживают.

Содержание

Предисловие	4
Нинонъ де Ланкло – маркизу Севинье[1]	9
Вольтеръ – Олимпіи Дюнуайэ	17
Дидро – г-жѣ Воланъ	22
Мирабо – Софіи Монье	24
Софія Монье – Мирабо	34
Гёте – г-жѣ фонъ-Штейнъ	36
Гёте – Христіанъ Вульпіусъ	51
Беттина фонъ-Арнимъ – Гёте	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Тайные письма великих людей Составитель А. Чеботаревская, предисловие Ф. Сологуба.

*Эту книгу посвящаю
Константину Андреевичу СОМОВУ.*

*П. Е. Щеголеву и М. О. Гершензону,
за ихъ добрыя указанія въ дѣль созданія этой
книги, приношу искреннюю благодарность.*

Предисловие

Ни въ чемъ такъ полно, радостно и свѣтло не выражается душа человѣка, какъ въ отношеніяхъ любви. Когда къ человѣку приходитъ любовь, могущественная сила, движущая мірами и сердцами, низводящая небо на землю и землю преобразующая въ сладостный Эдемъ, то въ душѣ человѣка умираетъ все случайное и раскрываются лучшія ея стороны. Какъ цвѣтеніе по веснѣ, какъ звонкій и страстный голосъ и

красивое опереніе у птицъ, такъ и въ человѣкѣ, въ его тѣлесномъ и душевномъ обликѣ, возникаютъ очаровательные признаки, прельщающіе не потому только, что они сами по себѣ прекрасны, но и потому, что въ нихъ наиболѣе ярко выражены индивидуальныя черты наиболѣе ясно соприкасаются съ началомъ безконечнаго, съ тѣмъ неутолимымъ стремленіемъ къ идеальному и недостижимому, которое заложено въ каждой живой душѣ.

Всѣ мы любимъ такъ же, какъ понимаемъ міръ. Исторія любви каждаго человѣка – точный слѣпокъ съ исторіи его отношеній къ міру вообще. Образъ любимой, носящійся въ восторженныхъ мечтахъ влюбленнаго, и образъ любимаго въ мечтахъ влюбленной – вотъ наиболѣе ясные и неложные символы ихъ міроощущенія. Недаромъ изображенія любви и любовныхъ тревогъ и томленій занимаютъ такое большое, такое центральное мѣсто въ произведеніяхъ искусства всѣхъ временъ. Это происходитъ не отъ того, что поэты, живописцы, скульпторы обуреваемы любовнымъ пыломъ, а потому, что вѣрный творческій инстинктъ указываетъ имъ то состояніе человѣка, когда душа его наиболѣе открыта верховнымъ началамъ добра, истины и красоты. Тотъ, кто любитъ, не только требуетъ, но и отдаетъ, – не только жаждетъ наслажденій, но и готовъ къ наивысшимъ подвигамъ самоотреченія. Зажженный любовью, онъ дерзаетъ и на то, что превышаетъ его силы.

Составленная въ свѣтъ этихъ общихъ положеній, предла-

гаемая вниманію читателей книга не является сборникомъ писемъ эротическихъ въ тѣсномъ значеніи этого слова; равнымъ образомъ, ее не слѣдуетъ разсматривать, какъ сборникъ, имѣющій притязанія на историческую полноту и законченность. Эта книга имѣетъ характеръ исключительно *психологическій*; она задается цѣлью поставить читателя передъ зрѣлищемъ души, глубоко и сильно переживающей всякое чувство, полнозвучно отзывающейся на всякое проходящее передъ нею явленіе, — однимъ словомъ, передъ зрѣлищемъ души, озаренной любовью.

Письма, собранныя въ этой книгѣ и написанныя тѣми, кто любилъ, къ тѣмъ, кто были любимы, говорятъ о любви, но не объ одной только любви. Душа, просвѣтленная любовью, весь кругъ своихъ переживаній озираетъ съ особеннымъ, иногда возвышеннымъ, иногда нѣжно-интимнымъ, иногда страстнымъ, иногда еще иначе окрашеннымъ, но всегда значительнымъ чувствомъ. Только тѣ письма, въ которыхъ выражается это очаровательное изліяніе любви на весь кругъ и повседневныхъ и чрезвычайныхъ переживаній, только ихъ и выбирала составительница этой книги, и только тѣхъ авторовъ включила она въ кругъ своего выбора, которые давали въ своихъ письмахъ эту восхитительную эманацию любви.

Федоръ Сологубъ.

Нинонъ де Ланкло – маркизу Севинье¹

Нинонъ де ЛАНКЛО (1615—1706), знаменитая куртизанка, прославленная красотой и умомъ; извѣстны ея письма къ маркизу Севинье – одному изъ ея многочисленныхъ возлюбленныхъ. Сынъ знаменитой Севинье влюбился въ Нинонъ, когда ей было уже 56 лѣтъ, но чары ея обаянія еще долго спустя кружили головы. Въ письмахъ она обнаружила большой умъ, весьма склонный къ резонерству.

Вы полагаете, многоуважаемый, что нашли неопровержимое доказательство, ставя мнѣ на видъ, что надъ собственнымъ сердцемъ вы не властны: нельзя его подарить кому хо-

---

¹ Всѣ даты и цифры взяты текстуально.

чешь, и потому вы не свободны въ выборѣ предмета влеченія... Что за оперная мораль! Оставьте этотъ трюизмъ женщинамъ, которыя этимъ готовы всегда оправдать свои слабости; имъ нужно имѣть на что ссылаться. Это напоминаетъ того добраго дворянина, котораго описалъ Монтэнъ: когда его трепала подагра, онъ такъ сердился, что готовъ былъ закричать: проклятая ветчина!

Значить, все дѣло въ сердечномъ влеченіи... Говорятъ, это сильнѣе меня... Можно ли управлять своимъ сердцемъ?... Когда женщины приводятъ столь вѣскія основанія, то имъ не рѣшаются на это возражать. Онѣ даже такъ утвердили эти положенія, что, если бы кто бы захотѣлъ ихъ оспаривать, то очутился бы въ противорѣчии со всѣмъ свѣтомъ. Но почему эти странныя утвержденія находятъ столько сторонниковъ? Да потому, что весь свѣтъ въ этомъ заинтересованъ. Не замѣчаютъ, что подобныя извиненія, далеко не оправдывая ошибку, укрѣпляютъ сознаніе своей неправоты; и не забывайте, что на судьбу ссылаются только тогда, когда дѣло идетъ о худомъ выборѣ. Упрекаютъ природу, когда дѣло идетъ о безпорядочной склонности, и въ то же время приписываютъ своему собственному уму всю честь разумной любви. Мы хотимъ оберегать свободу только для того, чтобы ее обманывать. Если же мы совершаемъ глупость, – то насъ вынуждаетъ къ этому неодолимая сила. Мы бы могли сказать о природѣ то же самое, что сказала Ла-Фонтэнъ о счастьѣ.

Добро – создаемъ мы, а зло – природа.

Мы всегда – правы, неправа лишь – судьба.

Изъ этого вы можете заключить, что я не соглашаюсь съ сужденіемъ большинства. Любовь произвольна – это, разумѣтся, я признаю, т. е. мы не въ состояніи предусмотрѣть или предотвратить перваго впечатлѣнія, производимаго къмъ-нибудь на насъ. Но въ то же время я утверждаю, что возможно, – какъ глубоко бы ни казалось намъ это впечатлѣніе – его смягчить или вовсе парализовать, и это даетъ мнѣ право осудить всякую безпорядочную или позорную склонность. Какъ часто мы наблюдали, что женщины могли подавить охватившую ихъ слабость, лишь только убѣждались въ недостойности предмета своей страсти. Сколькія изъ нихъ побороли нѣжнѣйшую любовь и пожертвовали соображеніями обезпеченности! Разлука, отъѣздъ, время, – все это лѣкарства, противъ которыхъ никакая страсть – какъ бы ни казалась она пылкой – не устоитъ: постепенно она ослабѣваетъ и, наконецъ, совсѣмъ потухаетъ. Какой изъ этого всего выводъ? – Любовь сильна – лишь благодаря нашей слабости.

Я знаю, что требуется напряженіе всего нашего интеллекта, чтобы выйти съ честью изъ такого положенія; я понимаю также, что трудности, связанныя съ подобной побѣдой, не всякому способны дать мужество – начать эту борьбу; и хотя я убѣждена, что въ этой области не существуетъ непобѣдимаго влеченія, – но все же я думаю, что на дѣлѣ очень мало побѣдителей, и почему? Потому что не рѣшаются даже попытаться. Въ концѣ-концовъ я полагаю, что въ нашемъ слу-

чаѣ дѣло идетъ лишь объ ухаживаніи, и было бы глупо васъ мучить, чтобы побѣдить влеченіе къ какой-либо болѣе или менѣе достойной любви дамѣ. А такъ какъ вы еще ни въ одну изъ нихъ не влюбились, то я только хотѣла выяснитъ основанія, которыя, на мой взглядъ, вѣрнѣе всего способны обезпечить вамъ счастливое будущее. Было бы, конечно, желательно, чтобы тонкія чувства, дѣйствительныя достоинства, имѣли бы больше власти надъ нашими сердцами, чтобы они были въ состояніи заполнить ихъ и запечатлѣться навсегда. Но опытъ показываетъ, что на дѣлѣ это не такъ. Вѣдь я разсуждаю не о томъ, чѣмъ вы должны быть, но о томъ, что вы представляете въ дѣйствительности: мое намѣреніе состоитъ въ томъ, чтобы показать вамъ, каково ваше сердце, а не какимъ я бы желала его видѣть. Я первая скорбѣла о порчѣ вашего вкуса, какъ ни снисходительно я отношусь къ вашимъ капризамъ. Но, не будучи въ состояніи измѣнить вашего сердца, я хочу, по крайней мѣрѣ, научить васъ, какъ извлечь изъ него бѣольшую пользу: не имѣя возможности сдѣлать васъ благоразумнымъ, я стараюсь сдѣлать васъ счастливымъ. Въ старину говорили: желать уничтожить страсти – равносильно желанію уничтожить насъ самихъ; надо только умѣть управлять ими. Въ нашихъ рукахъ страсти – тоже, что лѣчебныя яды: приготовленные искуснымъ химикомъ, они превращаются въ благодѣтельныя лѣкарства.

Нѣтъ, маркизь, любопытство г-жи де-Севинье нисколько меня не оскорбило: напротивъ, мнѣ очень лестно, что она пожелала увидать письма, которыя вы получаете отъ меня. Разумѣется, она предполагала, — если идетъ разговоръ о любви, то, конечно, это касается меня; но она убѣдилась въ противномъ. Теперь она признаетъ, что я менѣе легкомысленна, чѣмъ она то себѣ представляла; я считаю ее достаточно справедливою, чтобы отнынѣ она составила себѣ о Нинонѣ другое представленіе, чѣмъ имѣла раньше: ибо мнѣ не безызвѣстно, что обо мнѣ обычно отзываются не слишкомъ благопріятно. Однако ея несправедливость никогда не можетъ повліять на мою дружбу къ вамъ. Я достаточно философски смотрю на жизнь, чтобы не огорчаться мнѣніемъ людей, судящихъ меня не зная. Но, что бы ни случилось, я буду продолжать говорить съ вами съ моей обычной откровенностью; я убѣждена, что г-жа де-Севинье, несмотря на большую свою сдержанность, въ глубинѣ души чаще будетъ соглашаться со мною, чѣмъ это кажется. Перехожу къ тому, что касается васъ.

Итакъ, маркизь, послѣ безконечныхъ стараній, вамъ кажется, что вы, наконецъ, умилиствовали каменное сердце? Я

отъ этого въ восторгѣ; но мнѣ смѣшно, когда вы начинаете разъяснять мнѣ чувства графини. Вы раздѣляете обычную ошибку мужчинъ, отъ которой вамъ нужно отказаться, какъ бы ни была она для васъ лестна. Вы предполагаете, что только ваши достоинства способны зажечь страсть въ сердцѣ женщины, и что сердечныя и умственныя свойства служатъ единственными причинами любви, которую питають къ вамъ женщины. Какое заблужденіе! Разумѣется, вы думаете это потому, ибо этого требуетъ ваша гордость. Но изслѣдуйте безъ предубѣжденія, по возможности, побуждающіе васъ мотивы, и скоро вы убѣдитесь, что вы обманываете себя, а мы обманываемъ васъ; и что по всѣмъ соображеніямъ вы являетесь одураченнымъ вашимъ и нашимъ тщеславіемъ; что достоинства любимаго существа только являются случайно или оправданіемъ любви, но никакъ не ея истинной причиной; что, наконецъ, всѣ эти чрезвычайныя уловки, къ которымъ прибѣгаютъ обѣ стороны, какъ бы входятъ въ желаніе удовлетворить потребность, которую я раньше еще назвала вамъ первопричиной этой страсти. Я высказываю вамъ здѣсь жестокою и унизительную истину; но отъ этого она не дѣлается менѣе достовѣрной. Мы, женщины, являемся въ мірѣ съ этой неопредѣленной потребностью любви, и если мы предпочитаемъ одного другому, скажемъ откровенно, мы уступаемъ не извѣстнымъ достоинствамъ, а скорѣе безсознательному, почти всегда слѣпому инстинкту. Я не хочу приводить доказательствъ того, что существуетъ слѣпая страсть,

которою мы опьяняемъ иногда по отношенію къ незнакомцамъ или къ людямъ, недостаточно намъ извѣстнымъ для того, чтобы нашъ выборъ не являлся всегда въ своемъ основаніи безразсуднымъ: если мы попадаемъ счастливо, то это — чистая случайность. Слѣдовательно, мы привязываемся всегда, не производя достаточнаго экзамена, и я буду не совсѣмъ не права, сравнивъ любовь съ предпочтеніемъ, которое мы отдаемъ иногда одному кушанью передъ другимъ, не будучи въ состояніи объяснить причины этого. Я жестоко разсѣиваю химеры вашего самолюбія, но я говорю вамъ правду. Вамъ льститъ любовь женщины, ибо вы предполагаете, что она считается съ достоинствами любимаго существа: вы оказываете ей слишкомъ много чести, скажемъ лучше, вы слишкомъ высокога о себѣ мнѣнія. Вѣрьте, что мы любимъ васъ совсѣмъ не ради васъ самихъ: надо быть искреннимъ, въ любви мы ищемъ только собственнаго благополучія. Прихоть, интересъ, тщеславіе, темпераментъ, матеріальныя затрудненія, — вотъ что тревожитъ насъ, когда наше сердце не занято, вотъ причины тѣхъ великихъ чувствъ, которыя мы хотимъ обожествлять. Вовсе не великія достоинства способны насъ умилять: если они и входятъ въ причины, располагающія насъ въ вашу пользу, то вліяютъ они совсѣмъ не на сердце, а на тщеславіе, и большинство свойствъ, нравящихся намъ въ васъ, часто дѣлаютъ васъ смѣшными или жалкими. Но что вы хотите? Намъ необходимъ поклонникъ, поддерживающій въ насъ представленіе о нашемъ превосходствѣ,

намъ нуженъ угодчикъ, который исполняетъ наши прихоти, намъ необходимъ мужчина. Случайно намъ представляется тотъ, а не другой; его принимаютъ, но не избираютъ. Словомъ, вы считаете себя предметомъ безкорыстной симпатіи, повторяю, вы думаете, что женщины любятъ васъ ради васъ самихъ. Несчастные простофили! Вы служите только орудіемъ ихъ наслажденій или игрушкой ихъ прихотей. Однако, надо отдать справедливость женщинамъ: все это совершается часто безъ ихъ вѣдома. Чувства, которыя я изображаю здѣсь, часто имъ самимъ совершенно не ясны; наоборотъ, съ самыми лучшими намѣреніями онѣ воображаютъ, что руководствуются великими идеями, которыми питаетъ ихъ ваше и ихъ тщеславіе, и было бы жестоко несправедливо обвинять ихъ въ фальши на этотъ счетъ: безсознательно онѣ обманываютъ самихъ себя и васъ также.

Вы видите, что я раскрываю предъ вами секреты доброй Богини: судите о моей дружбѣ, если я, въ ущербъ моему же полу, стараюсь васъ просвѣтить. Чѣмъ лучше будете вы знать женщинъ, тѣмъ менѣе онѣ заставятъ васъ безумствовать.

Вольтеръ – Олимпіи Дюнуайэ

Франсуа Аруэ ВОЛЬТЕРЪ (1694—1778) восемнадцати лѣтъ, во время своего пребыванія въ Гаагѣ въ качествѣ пажа маркиза Шатонефа, влюбился въ шестнадцатилѣтнюю Олимпію Дюнуайэ, увезенную матерью-протестанткой отъ отца-католика изъ Парижа. Сохранилось пять писемъ юнаго Аруэ къ его «Пимпеттѣ» – нѣсколько пострадавшія отъ руки ея матери. Кромѣ юной влюбленности въ этихъ письмахъ, Вольтера одушевляетъ еще романтическая мечта вернуть молодую дѣвушку къ отцу въ Парижъ.

Октябрь 1713

Мнѣ кажется, милая барышня, что вы меня любите, потому будьте готовы въ данныхъ обстоятельствахъ пустить въ ходъ всю силу вашего ума. Лишь только я вернулся вчера

въ отель, г. Л.² сказалъ мнѣ, что сегодня я долженъ уѣхать, и я могъ только отсрочить это до завтра; однако онъ запретилъ мнѣ отлучаться куда-либо до отъѣзда; онъ опасается, чтобы сударыня ваша матушка не нанесла мнѣ обиды, которая можетъ отозваться на немъ и на королѣ; онъ даже не далъ мнѣ ничего возразить; я долженъ непременно уѣхать, не повидавшись съ вами. Можете представить себѣ мое отчаяніе. Оно могло бы стоить мнѣ жизни, если бы я не надѣялся быть вамъ полезнымъ, лишаясь вашего драгоценнаго общества. Желаніе увидѣть васъ въ Парижѣ будетъ утѣшать меня во время моего пути. Не буду больше уговаривать васъ оставить вашу матушку и увидаться съ отцомъ, изъ объятій котораго васъ вырвали, чтобы сдѣлать здѣсь несчастной³. Я проведу весь день дома. Перешлите мнѣ три письма: одно для вашего отца, другое – для вашего дяди, и третье – для вашей сестры; это безусловно необходимо, я передамъ ихъ въ условленномъ мѣстѣ, особенно письмо вашей сестрѣ. Пусть принесетъ мнѣ эти письма башмачникъ: обѣщайте ему награду; пусть онъ придетъ съ колодкой въ рукахъ, будто для поправки моихъ башмаковъ. Присоедините къ этимъ письмамъ записочку для меня, чтобы, уѣзжая, мнѣ послужило хотя бы это утѣшеніемъ, но, главное, – во имя любви, которую я питаю къ вамъ, моя дорогая, пришлите мнѣ вашъ портретъ;

---

² Лефевръ.

³ Здѣсь нѣсколько, вѣроятно, нелестныхъ для г-жи Дюнуайэ строкъ вырѣзано матерью Олимпіи.

употребите всѣ усилія, чтобы получить его отъ вашей ма-
тушки; онъ будетъ себя чувствовать гораздо лучше въ моихъ
рукахъ, чѣмъ въ ея, ибо онъ уже царить въ моемъ сердцѣ.
Слуга, котораго я посылаю къ вамъ, безусловно преданъ мнѣ;
если вы хотите выдать его вашей матери за табакерщика, то
онъ — нормандецъ и отлично сыграетъ свою роль: онъ пере-
дастъ вамъ всѣ мои письма, которыя я буду направлять по
его адресу, и вы можете пересылать свои также черезъ него;
можете также довѣрить ему вашъ портретъ.

Пишу вамъ ночью, еще не зная, какъ я уѣду; знаю только,
что долженъ уѣхать: я сдѣлаю все возможное, чтобы увидетьъ
васъ завтра до того, какъ я покину Голландію. Но такъ какъ я
не могу этого обѣщать навѣрное, то говорю вамъ, душа моя,
мое послѣднее прости, и, говоря вамъ это, клянусь всею тою
нѣжностью, какую вы заслуживаете. Да, дорогая моя Пимпе-
точка, я буду васъ любить всегда; такъ говорятъ даже самые
вѣтреные влюбленные, но ихъ любовь не основана, подобно
моей, на полнѣйшемъ уваженіи; я равно преклоняюсь предъ
вашей добродѣтелью, какъ и предъ вашей наружностью, и я
молю небо только о томъ, чтобы имѣть возможность заим-
ствовать отъ васъ ваши благородныя чувства. Моя нѣжность
позволяетъ мнѣ рассчитывать на вашу; я льщу себя надеж-
дой, что я пробужу въ васъ желаніе увидетьъ Парижъ; я ѣду въ
этотъ прекрасный городъ вымаливать ваше возвращеніе; бу-
ду писать вамъ съ каждой почтой чрезъ посредство Лефеб-
ра, которому вы будете за каждое письмо что-нибудь давать,

дабы побудить его исправно дѣлать свое дѣло.

Еще разъ прощайте, дорогая моя повелительница; вспоминайте хоть изрѣдка о вашемъ несчастномъ возлюбленномъ, но вспоминайте не ради того, чтобы грустить; берегите свое здоровье, если хотите уберечь мое; главное, будьте очень скрытны; сожгите это мое письмо и всѣ послѣдующія; пусть лучше вы будете менѣ милостивы ко мнѣ, но будьте больше заботиться о себѣ; будемъ утѣшаться надеждой на скорое свиданье и будемъ любить другъ друга всю нашу жизнь. Быть можетъ, я самъ приѣду за вами; тогда я буду считать себя счастливѣйшимъ изъ людей; лишь бы вы приѣхали – я буду вполнѣ удовлетворенъ. Я хочу только вашего счастья, и охотно купилъ бы его цѣною своего. Я буду считать себя весьма вознагражденнымъ, если буду знать, что я способствовалъ вашему возвращенію къ благополучію.

Прощайте, дорогая душа моя! Обнимаю васъ тысячу разъ.
Аруэ.

Нѣсколько дней спустя. (1713 г.)

Меня держатъ въ плѣну отъ имени короля; меня могутъ лишить жизни, но не любви къ вамъ. Да, моя дорогая воз-

любленная, я увижу васъ сегодня вечеромъ, хотя бы мнѣ пришлось сложить голову на плахѣ. Ради Бога, не говорите со мною въ такихъ мрачныхъ выраженіяхъ, какъ пишете. Живите, но будьте скрытны; остерегайтесь сударыни вашей матушки, какъ самага злѣйшаго вашего врага; что я говорю? Остерегайтесь всѣхъ въ мірѣ и не довѣряйтесь никому. Будьте готовы къ тому времени, когда появится луна; я выйду изъ отеля инкогнито, возьму карету и мы помчимся быстрѣе вѣтра въ Ш.; я захвачу чернила и бумагу; мы напишемъ наши письма; но если вы меня любите, утѣштесь, призовите на помощь всю вашу добродѣтель и весь вашъ умъ... Будьте готовы съ четырехъ часовъ; я буду васъ ждать близъ вашей улицы. Прощайте, – нѣтъ ничего, чего бы я не вынесъ ради васъ. Вы заслуживаете еще гораздо большаго. Прощайте, дорогая душа моя.

Дидро – 2-жъ Волянъ

Дени ДИДРО (1713—1784), знаменитый энциклопедистъ, уже въ зрѣломъ возрастѣ, неудовлетворенный отношеніями съ женой, полюбилъ Софію Волянъ. Переписка ихъ относится къ 1759—1774 г., а дружба продолжалась до смерти Софіи 1783 г. Объ отношеніи къ ней Дидро ярко свидѣтельствуетъ, между прочимъ, письмо Дидро къ извѣстному Фальконету, въ которомъ онъ говоритъ: «Если бы она сказала мнѣ – дай мнѣ выпить свою кровь – я бы ни минуты не задумался удовлетворить это ея желаніе».

Парижъ, 10 іюля.

Пишу, не видя. Я пришелъ; хотѣлъ поцѣловать у васъ руку и удалиться. Придется, однако, удалиться безъ этой награды; но развѣ я уже не буду достаточно вознагражденъ, за-

свидѣтельствовавъ вамъ, какъ я васъ люблю? Теперь 9 часовъ; я пишу вамъ, что люблю васъ. По крайней мѣрѣ, я хочу это написать, но не увѣренъ, – послушно ли мнѣ перо. Не придете ли вы, чтобы я могъ вамъ это сказать и исчезнуть? Прощайте, моя Софія, прощайте; ваше сердце, значить, не говоритъ вамъ, что я здѣсь? Первый разъ я пишу въ сумеркахъ: это положеніе должно бы привести меня въ очень нѣжное настроеніе. Но я чувствую лишь одно: я бы не ушелъ отсюда. Надежда увидѣть васъ удерживаетъ меня здѣсь, и вотъ я продолжаю бесѣдовать съ вами, даже не зная, – выходятъ ли у меня буквы! Повсюду, гдѣ ихъ не будетъ, – читайте, – я васъ люблю.

Мирабо – Софіи Монье

Графъ Габріэль МИРАБО (1749—1891), будучи женатымъ, полюбилъ Софію Монье, выданную замужъ 16-ти лѣтъ за 70-лѣтняго старика; во время ихъ пребыванія въ Голландіи оба они были арестованы, – Мирабо посаженъ на 3¹/₂ года въ Венсенскую крѣпость, а Софія послѣ родовъ – въ монастырь (1778). Во время заключенія влюбленные интенсивно обмѣнивались письмами при посредствѣ начальника полиціи Ленуара. Выйдя изъ тюрьмы, Мирабо охладѣлъ къ Софіи, и она, послѣ неудачнаго второго замужества, покончила самоубійствомъ (1789). Письма Мирабо изъ одного Венсена заключаютъ болѣе 30000 строкъ.

Человѣкъ удовлетворень, когда находится въ обществѣ тѣхъ, кого любить, – сказалъ Ла-Брюйеръ. Безразлично, ду-

маемъ ли о томъ, чтобы разговаривать съ ними, или молчимъ, думаемъ ли о нихъ или о чемъ-нибудь постороннемъ, важно только одно – быть съ ними. Другъ мой, какъ это вѣрно! И какъ вѣрно, что къ этому мы такъ привыкаемъ, что безъ этого жизнь дѣлается невозможною. Увы! Я это хорошо знаю, я долженъ это хорошо знать, такъ какъ уже три мѣсяца томлюсь вдали отъ тебя, уже три мѣсяца ты мнѣ не принадлежишь, и мое счастье кончено. И все же, просыпаясь утромъ, я ищу тебя, мнѣ кажется, что мнѣ недостаетъ половины меня самого, – и это правда. Разъ двадцать въ день я спрашиваю себя, гдѣ ты. Суди же по этому, насколько сильна иллюзія, и какъ жестоко, что она разбита. Ложась спать, я всегда оставляю тебѣ мѣстечко. Я прижимаюсь къ стѣнѣ, и предоставляю тебѣ добрую половину своей узкой постели. Это движеніе машинально, и мысль безсознательна. Какъ привыкаешь къ счастью! Увы! его начинаешь понимать только тогда, когда теряешь, и я увѣренъ, что мы стали понимать, насколько мы необходимы другъ другу, только съ того времени, когда буря разлучила насъ. Не изсякъ источникъ нашихъ слезъ, милая Софи; мы не излечились; въ нашемъ сердцѣ жива любовь и, слѣдовательно, есть что оплакивать. Пусть говорятъ, что можно излечиться отъ великаго горя силой воли и разумомъ; такъ говорятъ слабые и легкомысленные и утѣшаются. Есть потери, съ которыми никогда нельзя свыкнуться. Когда не находятъ счастья въ любви, находятъ его въ страданіи; вѣрнѣе: хотять его. Это деликатное чувство, – что бы тамъ ни

говорили, таится въ самой нѣжной любви. Не была ли бы Софія въ отчаяніи, если бы знала, что Габріель утѣшился?

Почему это чувство будетъ запрещено Габріелю? Вѣрно, очень вѣрно и очень справедливо, что когда любятъ сильно, любятъ свою любовницу или любовника больше, чѣмъ самихъ себя, но не больше, чѣмъ свою любовь. Можно всѣмъ пожертвовать, что я говорю? хотятъ пожертвовать всѣмъ, исключая нѣжности любимаго существа. Если найдется человекъ, который думаетъ иначе, пусть онъ не воображаетъ, что онъ сильнѣе меня, — онъ только менѣе влюбленъ. Еще есть только одно средство принести въ жертву боготворимую любовь: пронзить себѣ сердце. Если бы я зналъ, что моя смерть необходима для твоего счастья, что ты можешь пріобрѣсти его этой цѣной, я убилъ бы себя, не колеблясь ни минуты. Я сдѣлалъ бы это съ радостью, потому что оказалъ бы этимъ тебѣ услугу. И это было бы нѣжной местию для такого любящаго человека, какъ я: посредствомъ своей смерти сдѣлать неблагодарную любовницу неблагодарнымъ человекомъ. Я сдѣлалъ бы это безъ сожалѣнія, такъ какъ черезъ это стало бы ясно, что ты не любишь меня, если можешь быть счастливой безъ меня. Я не пожертвовалъ бы своей любовью, но я отомстилъ бы самому себѣ за твое непостоянство — единственный способъ отомстить себѣ за Софію. Ничуть не отказываясь отъ любви твоей, я наказалъ бы самого себя за то, что потерялъ ее. Тотъ, кто такъ не думаетъ, обманывается или хочетъ обмануться. Онъ думаетъ, что любить сильнѣе, чѣмъ

онъ въ дѣйствительности любить, если хочетъ заставить этому повѣрить.

Мое мнѣніе, что это такъ же просто, какъ вѣрно. Я могу пожертвовать тебѣ всѣмъ, но не твоей любовью. И я не думаю, что это не великодушно; въ тотъ день, когда ты будешь такъ думать, я накажу себя за это; но я чувствую, что я люблю и не думаю, чтобы кто-нибудь изъ всѣхъ людей любилъ сильнѣе меня; въ моемъ сердцѣ столько энергіи и силъ, сколько нѣтъ у другихъ, и не одинъ возлюбленный не обязанъ такъ много такой нѣжной возлюбленной, какъ Габріель Софіи. Благодарность – такое чистое удовольствіе для меня, что его достаточно, чтобы сдѣлать меня влюбленнымъ. Но моя нѣжность независима отъ всякаго другого чувства. Я знаю, что если бы ты меня возненавидѣла, я не могъ бы исцѣлиться отъ моей любви: какъ только я узналъ тебя, ты деспотически завладѣла мной. Твой пріятный характеръ, твоя свѣжесть, твой изящный, нѣжный, сладострастный обликъ завладѣли мной; каждое твое слово было близко моему сердцу. **Я** хотѣлъ владѣть тобой и быть только твоимъ другомъ, потому что жестоко боялся любви. Ты нравилась мнѣ своей молодостью и красотой и была соблазномъ для моей души. Все сближало насъ еще тѣснѣй. Подвижная и чувствительная, хотя желающая скрыть свою чувствительность, ты поражала и трогала меня. Ты увлекала меня отъ дружбы къ любви, и я искренно говорилъ тебѣ, что не могъ быть твоимъ другомъ. Тонкія остроты, слетающія молніеносно съ твоихъ устъ и удивляю-

ція своєю нежданностью, плѣняли меня, и когда я думаль, я былъ взволнованъ.

Это волненіе меня безпокоило.

Но я разувѣряль себя, я говориль себѣ: я столько видѣль женщинъ, у меня было столько возлюбленныхъ! Она такъ неопытна! Какъ она можетъ побѣдить! Это ребенокъ. Но этотъ ребенокъ, такой нѣжный, льстиль моему самолюбію жаднымъ вниманіемъ, съ какимъ онъ слушалъ меня. То, какъ онъ считался съ тѣмъ, что я говориль, и оцѣниваль каждое мое слово, восхищало меня и дѣлалось для меня необходимымъ. Мы любили другъ друга, не желая признаваться себѣ въ этомъ. Моя Софія, такая простая и наивная, казалась мнѣ образцомъ искренности и чувствительности: ей не хватало только страстности, но любовь втихомолку обѣщала мнѣ и это. Она не походила ни на кого и была даже странной, но все такъ шло къ ней, даже суровый видъ, что мнѣ хотѣлось овладѣть ею, и что-то увѣряло меня, что я добьюсь своего. Я не ошибся, но, соблазняя, я соблазнился самъ – этого я не ждалъ и даже боялся. Какимъ я былъ безумцемъ! Отъ такого счастья хотѣль отказаться! Я ставиль любовь выше гордости. Прости меня, моя Софія, прости. Я не зналь наслажденій взаимной нѣжности, только ты заставила меня вкусить ихъ. Я искупиль свое преступленіе. Я люблю свои цѣпи сильнѣй, чѣмъ боялся ихъ.

Привычка обманывать женщинъ обычно лишаетъ мужчинъ способности быть постоянными, тогда какъ у меня это именно и породило тоску по возлюбленной, – подобной тебѣ, которой я не надѣялся, однако, встрѣтить, и достоинства которой я тѣмъ болѣе цѣню, чѣмъ сильнѣе я ея желалъ. Но существуетъ множество достойныхъ любви! Я это вижу со времени обрушившагося на меня несчастья, но ни у кого направленіе ума, манера думать и характеръ, не обладали тѣми плѣнительными для меня свойствами, какъ у тебя. Я не могъ бы любить женщину безъ душевнаго богатства, ибо я долженъ высказываться предъ моей подругой. Вычурное остроуміе утомляетъ меня: кто обладалъ имъ въ большей степени, чѣмъ г-жа Фейланъ? Аффектація, на мой взглядъ, такъ же относится къ естественности, какъ румяна къ красотѣ; то есть: они не только не нужны тому, кого хотятъ украсить, но даже вредны. Значить – мнѣ надлежало найти душу простую, изящную, устойчивую и веселую. У меня такъ мало обычныхъ предразсудковъ, мои мнѣнія такъ несхожи съ мнѣніями всего свѣта, что женщина, сотканная изъ мелочности и раздираемая постоянными рефлексами, не могла бы ко мнѣ подойти. Въ тебѣ я встрѣтилъ энер-

гію, твердость, силу, рѣшительность. Но это еще не все; мой характеръ неровень, моя воспріимчивость чудовищна, моя пылкость исключительна; и потому мнѣ нужна была нѣжная и кроткая женщина, способная меня умиротворять, и я не смѣлъ надѣяться, чтобы эти превосходныя качества оказались бы въ соединеніи со столь рѣдкостными добродѣтелями, — обычно это не встрѣчается. И все же, я нашелъ все это въ тебѣ, моя дорогая подруга. Такъ подумай же о томъ, — что ты для меня; все зданіе моего счастья построено на тебѣ. Не сердись, что я дрожу при одной мысли о могущей угрожать намъ опасности, и что я считаю тебя за благо, безконечно болѣе дорогое для меня, чѣмъ я для тебя. Мой характеръ уже былъ сложившимся, — а твой еще нѣтъ; мои принципы тверды, ты же еще только начала думать о необходимости имѣть ихъ. Ты могла бы найти въ мірѣ другого рода привязанность и счастье, чѣмъ то, которое суждено тебѣ въ объятіяхъ твоего Габріеля; но Софія была необходима для моего счастья; одна она способна была дать мнѣ его.

.....

Среда, 9 января 1778 г.

Моя дорогая, моя единственная подруга, я облиль слезами, покрыль поцѣлуями твое письмо. О, мой другъ, моя Софія, отъ какой тяжести ты освободила мою грудь! Но еще сколько ея остается! Ахъ, ты ничего не пишешь о себѣ, о своемъ здоровьѣ! Письмо твое написано среди мукъ, – я это вижу; ты прибавила только слово, только одно слово послѣ событія. И какъ трепетно оно написано! Неровныя буквы истерзали мнѣ сердце! Божественное, божественное вниманіе! Видна твоя душа, – твоя вездѣ! Но какъ же ты себя чувствуешь? Скажи мнѣ, скажи же это мнѣ, моя Софія! Какъ мнѣ успокоиться? Ахъ, на сердцѣ у меня тяжело, а было еще мрачнѣе. Пусть тебя не тревожитъ беспорядочность этого письма и мой измѣнившійся почеркъ; извѣстіе выбило меня изъ колеи; мое волненіе слишкомъ сильно и слишкомъ естественно. Я не даю себѣ времени притти въ себя, ибо не хочу, чтобы по моей винѣ отсрочилось удовольствіе, которое ты испытаешь при видѣ этого письма.

Милая, милая Софія, итакъ, ты – мать! О! и твое дитя не будетъ у тебя отнято! Пусть оно смягчитъ твое горе и твои страданія! Я говорю – твое дитя, – ахъ, я вѣдь знаю, что оно и мое. Никогда твой другъ не откажется отъ сладкаго имени отца... Жестокая Софія, ты попрекаешь меня моимъ несчастьемъ. Великій Боже! развѣ не я причинилъ твое, и повѣрь, что ничто другое не въ состояніи меня занимать. Но успо-

койся, умоляю тебя, о, моя радость! Вспомни, что ты – половина моей души; ты бы слилась съ моею жизнью, если бы не заботилась о своей... Ты нуждаешься въ душевномъ покоѣ, моя Софія; я умоляю тебя, пощади себя, побереги для болѣе счастливыхъ временъ. Увѣренность въ томъ, что ты получишь это письмо, была бы мнѣ очень утѣшительна; если ты захочешь подтвердить мнѣ это, оповѣсти меня о твоёмъ состояніи, расскажи мнѣ, какъ себя чувствуешь, и, прежде всего, не обманывай меня... О, не обманывай меня, но пиши, коль скоро ты сможешь это сдѣлать безъ опасностей и затрудненій. Душа моя страдаетъ, но у меня еще есть силы, а у тебя ихъ уже нѣтъ; поэтому не торопись, и пусть я еще помучаюсь.

У моей дочери мои черты, – говоришь ты? Ты принесла ей этимъ печальный даръ, но пусть у нея будетъ твоя душа, тогда она будетъ богата, тогда природа ее чудесно вознаградитъ за изъяны ея рожденія... Ахъ, пожалуй, она будетъ черезчуръ впечатлительна. Но какія бы страданія не причиняла впечатлительность, – еще больше приносить она добра.

Не хочу тебѣ писать много; не хочу и не могу. Боюсь за свое сердце, за свою голову, за твое состояніе. Моя подруга, моя Софія, прошу тебя на колѣняхъ, даже требую отъ тебя, заклинаю тебя именемъ твоей дочери, ея отца, твоими клятвами, твоею нѣжностью, о которой ты говоришь, не рѣшайся ее выразить, – береги себя! Не пренебрегай ничѣмъ, что можетъ быстро возстановить твое здоровье и силы; обрати

на себя часть благородной и изумительной стойкости твоей.
Будь здорова! Прощай, моя радость и жизнь!

Софія Монье – Мирабо

И ты, мой возлюбленный, спрашиваешь, – люблю ли я тебя? Ахъ, развѣ ты не знаешь, что я обожаю тебя навѣки. Да, это вѣрно. Что за чудесное существо господинъ Буше!⁴ Ты, значить, знаешь теперь, гдѣ я. Я тебѣ уже писала на бумагѣ, въ которой были волосы твоей дочери, и въ письмѣ въ день моего разрѣшенія отъ бремени⁵. Однако твой почеркъ проступаетъ наружу; употребляй лимонный сокъ и не пиши больше на расплывчатой бумагѣ; чѣмъ толще будетъ бумага, тѣмъ меньше будутъ выступать чернила.

О, мой другъ, мой другъ, какъ ты несчастливъ! Гдѣ же тѣ надежды, о которыхъ ты говоришь? Я думала, что скоро ты выйдешь на волю, и потому я такъ упорно стремилась оповѣ-

---

⁴ Габріель Буше – полицейскій, передававшій имъ въ заключеніи письма.

⁵ Сначала они оба писали секретными чернилами.

стить тебя о моемъ мѣстопробываніи. Ты можешь меня увидеть, если только не появишься въ господской одеждѣ. Лучше прикинуться странствующимъ торговцемъ, комиссіонеромъ, букинистомъ или кѣмъ-нибудь подобнымъ, желающимъ побесѣдовать съ графиней; я выдаюсь со всякаго рода такими людьми; лишь пристойныхъ людей мнѣ не разрѣшается видѣть. Удобный часъ – отъ десяти утра до полудня. Если ты явишься подѣ видомъ зубного врача, ты сможешь проникнуть даже въ мою комнату. О, мой другъ, отъ радости я умру у твоего сердца...

.....

Гёте – г-жѣ фонѣ-Штейнѣ

Иоганнъ Вольфгангъ ГЕТЕ (1749—1832) долгое время, живя въ Веймарѣ, находился въ дружеской связи съ г-жей Штейнѣ, умной и образованной женщиной, олицетворявшей для него Ифигенію. Охлажденіе между ними обнаружилось около 1789 г., послѣ чего Гёте отправился путешествовать по Италиі. Послѣдовавшая любовь его къ Христинѣ Вульпіусъ (1792 г.), – довольно вульгарной плебейкѣ, замѣнившей г-жу Штейнѣ, далеко не носила того интеллектуальнаго характера, которымъ отмѣчены отношенія и письма къ г-жѣ Штейнѣ.

Воскресенье, 31 марта.

Дорогая. Письмо Ваше огорчило меня. Если бы я только могъ понять глубокое невѣріе Вашей души въ себя, души,

въ которую должны бы вѣрить тысячи, чтобы стать счастливыми! На свѣтѣ ничего не надо понимать, чѣмъ дольше я смотрю, тѣмъ яснѣе вижу это. – Ваша мечта, дорогая! Ваши слезы! – Это такъ! Дѣйствительность я переношу большею частью хорошо; грезы могутъ меня растрогать когда угодно. Я вновь увидѣлъ мою первую любовь. Что дѣлаетъ со мною судьба! Сколько вещей помѣшала она мнѣ увидѣть во время этого путешествія съ полною ясностью! Это путешествіе словно должно было подвести итоги моей прошлой жизни! А теперь все начинается сызнова! Вѣдь всѣ вы – мои! Скоро пріѣду. Еще не могу разстаться со Шретеръ. Прощайте! Прощайте! Въ послѣдній день марта 76 года. Лейпцигъ.

Г.

(Пятница, 25 мая).

Итакъ, отношеніе, самое чистое, самое прекрасное, самое правдивое, которое я когда-либо имѣлъ къ женщинѣ, за исключеніемъ сестры, – нарушено. Я былъ подготовленъ къ этому, я только безконечно страдалъ за прошлое и за будущее, и за бѣдное дитя, которое ушло, которое я обрекъ въ

ту минуту на такое страданіе. Я не хочу видѣть Васъ, Ваше настоящее опечалило бы меня. Если я не могу жить съ Вами, то Ваша любовь нужна мнѣ такъ же мало, какъ любовь всѣхъ отсутствующихъ, которою я такъ богатъ. *Настоящее* въ минуту нужды все рѣшаетъ, все облегчаетъ, все укрѣпляетъ. Отсутствующій приходитъ съ пожарнымъ насосомъ, когда огонь уже потушенъ – и все это ради свѣта! Свѣтъ, который не можетъ быть ничѣмъ для меня, не хочетъ, чтобы и Ты была чѣмъ-нибудь для меня, – не вѣдаютъ, что творять. Рука заточеннаго въ одиночномъ заключеніи и не слышащаго голоса любви, бываетъ тяжка для того мѣста, куда она опускается. Прощай, дорогая.

24 мая 76.

Вечеромъ 16-го.

Еще слово. Вчера, когда мы ночью возвращались отъ Апольда, я ѣхалъ одинъ впереди, подлѣ гусаровъ, которые рассказывали другъ другу свои продѣлки; я то слушалъ, то не слушалъ, и, погруженный въ мысли, ѣхалъ дальше. Вдругъ я подумалъ о томъ, какъ я люблю эту мѣстность, этотъ край! этотъ Эттерсбергъ! эти невысокіе холмы! И душу мнѣ

пронизало насквозь — вдруг и тебѣ когда-нибудь придется все это покинуть! Край, гдѣ ты нашла такъ много, нашла все счастье, о которомъ можетъ мечтать смертный, гдѣ ты переходишь отъ удовольствія къ неудовольствію, въ вѣчно звенящей жизни, — если и тебѣ придется покинуть его, съ посохомъ въ рукахъ, какъ покинула ты свою родину. Слезы выступили у меня на глазахъ, и я почувствовалъ себя достаточно сильнымъ, чтобы перенести и это. — Сильнымъ! — значитъ, безчувственнымъ.

Записка 1—8 сентября 1876 г.

Къ чему я буду тебя мучить? Дорогая! Къ чему обманывать себя, мучить тебя и такъ далѣе. Мы ничѣмъ не можемъ быть другъ для друга и слишкомъ много другъ для друга значимъ. Повѣрь мнѣ, когда я говорилъ съ тобою со всею ясностью, ты была во всемъ со мною согласна. Но именно потому, что я вижу вещи лишь такими, каковы онѣ есть, это и приводитъ меня въ бѣшенство; покойной ночи, ангель мой, и добраго утра. Я не хочу увидѣть тебя снова... Только... ты знаешь все... Это знаютъ еще только сердце мое да подоплека... Все, что я могъ бы сказать, глупо. Отнынѣ буду видѣть

тебя, какъ видятъ звѣзды! – Подумай хорошенько объ этомъ.

Адр. Госпожѣ фонъ-Штейнъ.

Казенная печать съ саксенъ-веймаръ-эйзенахскимъ гербомъ.

(Четвергъ, 22 марта).

Твоя любовь – какъ утренняя и вечерняя звѣзда: она заходитъ послѣ солнца и встаетъ до солнца. Словно полярная звѣзда, что, никогда не заходя, сплетаетъ надъ нашими головами вѣчно-живой вѣнокъ. Я молю боговъ, чтобы они не заставили ее померкнуть на моемъ жизненномъ пути. Первый весенній дождь можетъ помѣшать нашей прогулкѣ. Растенія онъ заставитъ распуститься, чтобы вскорѣ мы порадовались на первую зелень. Мы никогда еще вмѣстѣ не переживали такой чудной весны, пусть у нея не будетъ осени. Прости! Я спрошу около 12 часовъ, что будетъ. Прощай, лучшая, любимая.

22 марта 81.

Адресъ: Госпожѣ фонъ-Штейнъ.

(Суббота, 10 августа).

Сегодня утромъ я окончилъ главу изъ Вильгельма, начало которой диктоваль тебѣ. Это доставило мнѣ пріятный часъ. Собственно, я рожденъ писателемъ. Я испытываю самую чистую радость, какую едва ли когда испытываль, если напишу что-либо хорошо, согласно задуманному. Прости. Береги для меня душу моей жизни, моего творчества, моихъ писаній.

Г.

19 авг. 82.

(Четвергъ), 17 сентября 1882 г., вечеромъ.

Тихонько вернулся домой, – читать, перебирать и думать о тебѣ. Я рожденъ для жизни частнаго человѣка, и не понимаю, какъ судьба могла впутать меня въ управление государствомъ и въ княжескую семью.

Для тебя живу я, моя Лотта, тебѣ отданы всѣ мои минуты,

и ты остаешься моею, я это чувствую.

Вчера я махалъ носовымъ платкомъ, пока могъ тебя видѣть, въ пути я былъ съ тобою, и только, завидя городъ, впервые ощутилъ пространство, отдѣлявшее меня отъ тебя.

Я попытался точнѣе обдумать первую часть или, лучше сказать, начало моей сказки, и мѣстами пробовалъ писать стихи; это у меня вышло бы, если бы у меня было достаточно времени и домашнее спокойствіе.

(Воскресенье, 17 ноября).

Рано, не до разсвѣта, но все же съ разсвѣтомъ, совершалъ я мое первое паломничество. Подъ твоими окнами поклонился я тебѣ и пошелъ къ твоему камню. Теперь это единственное свѣтлое мѣсто въ моемъ саду. Чистыя небесныя слезы падали на него; надѣюсь, что въ этомъ нѣтъ дурного предзнаменованія.

Я прошелъ мимо моего покинутаго домика, какъ Мелузина мимо своего жилища, въ которое ей не суждено было вернуться, и думалъ о прошломъ, въ которомъ ничего не понимаю, и о будущемъ, котораго не знаю. Какъ много потерялъ я, когда долженъ былъ покинуть это тихое убѣжище! То была

вторая нить, державшая меня, теперь я вишу только на тебѣ и, благодареніе Господу, эта нить – крѣпчайшая. Послѣдніе дни я просматриваю письма, писанныя мнѣ за послѣднія десять лѣтъ, и все меньше и меньше понимаю, кто я, и что мнѣ дѣлать.

Будь со мною, дорогая Лотта, ты – мой якорь среди этихъ подводныхъ камней...

17 ноября 82.

(Четвергъ, 21 ноября).

Раннимъ утромъ буду у тебя. Разлучить меня съ тобою не могутъ ни жизнь, ни смерть, ни творчество, ни чтение дѣловыхъ бумагъ. Снѣгу радуюсь, онъ приводитъ мнѣ на память прошлыя зимы и многія сцены твоей дружбы. Прощай, сладкая греза моей жизни, успокоительный напитокъ для моихъ страданій. Завтра у меня чай. 21 ноября 82.

Сообщи мнѣ твой день.

(Верона), 18 сентября 86 г.

На крошечномъ листочкѣ даю о себѣ вѣсточку возлюбленной, не говоря ей, однако, гдѣ я. Я доволенъ, и только хотѣлъ бы раздѣлить съ тобою то прекрасное, которымъ наслаждаюсь, — желаніе, охватывающее меня часто съ острою тоскою.

Я вель точный дневникъ, и заносилъ въ него все замѣчательное, что видѣлъ, о чемъ думалъ, и, по моему расчету, ты можешь получить его въ серединѣ октября. Ты, навѣрное, обрадуешься ему, и мое отсутствіе дастъ тебѣ больше, чѣмъ часто даетъ мое присутствіе. При этомъ ты найдешь и нѣсколько рисунковъ. Впослѣдствіи больше! Не говори, однако, никому о томъ, что получишь. Прежде всего — это исключительно для тебя. Надъ Ифигеніей много работаю и надѣюсь заслужить благодарность и тѣхъ, что любили древность. Я долженъ сказать такъ много, и не могу говорить, не выдавая себя или не дѣлая признаній. Ты въ Кохбергѣ, и мои мысли тамъ, съ тобою. Поклонись отъ меня Фрицу! Меня часто огорчаетъ то, что онъ не со мною. Если бы я зналъ, что знаю теперь, я взялъ бы его съ собою. Я на хорошей дорогѣ, и это путешествіе принесетъ мнѣ сразу большія преимущества. Прости! Сердечно радуюсь, что увижусь съ тобою и все тебѣ расскажу.

Ибо то, что говорилъ студентъ: «Чѣмъ былъ бы домъ, если бы я его не видѣлъ», я могу примѣнить удачнѣе, сказавъ: «Къ чему мнѣ все это видѣть, если я не смогу сообщить

всего этого тебѣ?» Тысячу разъ прощай, поклонись Штейну, Имгофъ и малюткѣ! Не забудь и Эрнста, о которомъ я часто думаю!

Терни, 27 октября 1786 г., вечеромъ.

Сидя снова въ пещерѣ, пострадавшей годъ тому назадъ отъ землетрясенія, обращаюсь къ тебѣ съ мольбою, дорогой мой геній-хранитель! До чего я избалованъ, я теперь только чувствую! Десять лѣтъ жить съ тобою, быть тобою любимымъ, и вдругъ – очутиться въ чуждомъ мірѣ! Я это представлялъ себѣ заранѣе, и только высшая необходимость могла заставить меня принять это рѣшеніе.

Пусть не будетъ у насъ иныхъ мыслей, какъ окончить жизнь вмѣстѣ!

23 декабря, вечеромъ.

Позволь мнѣ еще поблагодарить тебя за твое письмо! Поз-

воль забыть на минуту, что есть въ немъ болѣзненнаго! Любовь моя! Любовь моя! Прошу тебя на колѣняхъ, умоляю, облегчи мнѣ мое возвращеніе къ тебѣ, чтобы я не оставался изгнанникомъ среди безпредѣльнаго міра! Прости мнѣ великодушно, въ чемъ я предъ тобою провинился, и помоги мнѣ подняться! Рассказывай мнѣ почаще и побольше о томъ, какъ ты живешь. Скажи, что здорова, и что любишь меня! Въ ближайшемъ письмѣ сообщи тебѣ планъ моего путешествія, которое я предпринялъ, и которое да благословить небо! Прошу тебя объ одномъ: не смотри на меня, какъ на разлученнаго съ тобою! Ничто въ мірѣ не можетъ замѣнить мнѣ того, что я утратилъ бы, потерявъ тебя и мою тамошнюю обстановку. Если бы я привезъ съ собою силы мужественнѣе переносить всѣ непріятности! Не открывай ящиковъ, прошу тебя, и не беспокойся! Поклонись Штейну и Эрнсту! Фрица поблагодари за письмо! Пусть пишетъ мнѣ чаще. Я уже началъ собирать для него. Онъ долженъ получить все, что хочеть, и даже больше, чѣмъ хочеть.

То, что ты была больна, и больна по моей винѣ, такъ удручаетъ мое сердце, что я не могу этого выразить. Прости мнѣ! Я самъ боролся между жизнью и смертью, и никакія слова не могутъ выразить того, что во мнѣ происходило. Это паденіе вернуло меня къ самому себѣ. Любовь моя! Любовь моя!

Палермо, 18 апрѣля 1787 г.

Любовь моя! Еще прощальное слово изъ Палермо! Я могу только повторить тебѣ, что здоровъ и доволенъ, и что путешествіе мое принимаетъ нѣкій образъ. Въ Неаполѣ оно обрвалось черезчуръ тупо. Изъ моихъ записокъ ты увидишь кое-что подробнѣе; о цѣломъ, о моемъ душевномъ состояніи, о счастливыхъ слѣдствіяхъ, которыя я ощущаю, ничего не могу сказать и не скажу. Это – неописуемо прекрасная страна, хотя сейчасъ я знаю всего лишь кусочекъ ея берега. Сколько радостей доставляетъ мнѣ ежедневно мое малое знаніе естественныхъ наукъ, и насколько больше долженъ бы былъ я знать, если бы моей радости суждено было стать полной. То, что я готовлю вамъ, удастся мнѣ. Я уже проливалъ слезы радости при мысли о томъ, что обрадую васъ. Прости, дорогая. Сердце мое съ тобою, и теперь, когда разстояніе и разлука очистили все, что стояло въ послѣднее время между нами, прекрасное пламя любви, вѣрности и воспоминаній снова ярко горитъ и свѣтитъ въ моемъ сердцѣ. Поклонись Гердерамъ и всѣмъ, и не забывай меня!

(Веймаръ), 1 іюня 1799 г.

Благодарю тебя за письмо, оставленное для меня, хотя многое въ немъ меня огорчило. Я медлиль отвѣчать на него, такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ трудно быть искреннимъ и не оскорбить.

Какъ сильно я тебя люблю, какъ глубоко сознаю мои обязанности по отношенію къ тебѣ и къ Фрицу, — я доказаль моимъ возвращеніемъ изъ Италіи. Герцогъ хотѣль бы, чтобы я былъ еще тамъ, Гердеръ поѣхаль туда, и такъ какъ я не видѣль, что могу быть чѣмъ-нибудь полезнымъ наслѣдному принцу, то у меня едва ли могло быть что-нибудь на умѣ, кромѣ тебя и Фрица.

О томъ, что я покинулъ въ Италіи, не буду повторять, ты достаточно недружелюбно встрѣтила мое довѣрчивое признаніе объ этомъ.

Къ сожалѣнію, ты была въ странномъ настроеніи, когда я пріѣхаль, и, признаюсь чистосердечно, то, какъ ты меня приняла, и какъ меня приняли другіе, было мнѣ крайне чувствительно. Я проводилъ Гердера, герцогиню, оставилъ незанятымъ настойчиво предлагавшееся мнѣ мѣсто въ экипажѣ, остался для радости, какъ для радости и пріѣхаль, и въ ту же

минуту долженъ былъ позволить упорно повторять себѣ, что могъ бы и не пріѣзжать, что не сочувствую людямъ и т. д., и все это раньше, чѣмъ рѣчь могла зайти о той связи, которая тебя, повидимому, такъ оскорбляетъ.

И что это за близость? Кому она вредить? Кто выражаетъ притязанія на ощущенія, которыя я доставляю несчастному созданію? Кто претендуетъ на часы, которые я провожу съ нею?

Спроси Фрица, Гердеровъ, спроси cadaго, кто мнѣ близокъ, сталь ли я менѣе участливъ, менѣе сообщителенъ, менѣе дѣятеленъ въ отношеніи моихъ друзей, чѣмъ раньше? Развѣ теперь я не принадлежу имъ и обществу гораздо больше?

Было бы чудомъ, если бы мнѣ суждено было утратить самое лучшее, самое сердечное отношеніе мое къ тебѣ.

Какъ сильно почувствовалъ я, что оно во мнѣ еще живо, когда однажды засталъ тебя расположенною бесѣдовать со мною объ интересныхъ предметахъ.

Но признаю, что не могу больше переносить того, какъ ты до сихъ поръ со мною обращалась. Когда я бывалъ разговорчивъ, ты закрывала мнѣ ротъ, когда я бывалъ сообщителенъ, ты обвиняла меня въ равнодушіи, когда я бывалъ дѣятеленъ въ отношеніи друзей, ты обвиняла меня въ холодности и небрежности. Ты слѣдила за малѣйшимъ выраженіемъ моего лица, порицала каждое мое движеніе, мою манеру держать себя, и всегда приводила меня въ дурное расположеніе

духа. Гдѣ было сохраниться довѣрію и чистосердечію, когда ты отталкивала меня отъ себя умышленными капризами?

Я хотѣлъ бы прибавить еще многое, если бы я не боялся, что это тебя, при твоёмъ состояніи духа, скорѣе оскорбитъ, чѣмъ примиритъ со мною.

Къ несчастью, ты давно уже пренебрегла моимъ совѣтомъ относительно кофе и ввела такую діету, которая чрезвычайно вредно отражается на твоёмъ здоровьѣ. Мало того, что трудно превозмогать морально инья впечатлѣнія, – ты усиливаешь еще муку и мрачность грустныхъ представленій физическимъ средствомъ, вредъ котораго въ теченіе нѣкотораго времени ты понимала, и котораго изъ любви ко мнѣ ты одно время избѣгала, и чувствовала себя хорошо. Дай Богъ, чтобы лѣченіе и путешествіе принесли тебѣ пользу. Я не отказываюсь отъ надежды, что ты когда-нибудь снова меня признаешь. Прости. Фрицъ весель и прилежно посѣщаетъ меня. Принцъ чувствуетъ себя свѣжимъ и бодрымъ.

Бельведеръ, 1 іюня 1789 г.

Г.

Гёте – Христіанъ Вульпіусъ

Сегодня, дорогая крошка, я уѣзжаю изъ Франкфурта и ѣду въ Майнцъ. Долженъ сказать тебѣ, что чувствовалъ себя хорошо, пришлось только черезчуръ много ѣсть и пить. Но я буду находить пищу еще вкуснѣе, когда готовить ее будетъ мнѣ моя душечка. Разная мелочь отходить также сегодня, и прибудетъ вскорѣ послѣ этого письма. Я хотѣлъ бы быть мышкой и присутствовать при распаковкѣ. Укладка доставила мнѣ большое удовольствіе. Сохрани все въ порядкѣ. До свиданія, дорогое дитя. Все было довольно безсодержательно. Люби меня, какъ я люблю тебя. До свиданья, поклонись г. Мейеру, поцѣлуй малютку и пиши мнѣ скорѣе.

Франкфуртъ, 21 августа 1792 г.

Г.

Я написалъ тебѣ уже не одно письмецо, и не знаю, когда они до тебя мало-по-малу дойдутъ. Я прозѣваль перенумеровать листки и лишь теперь съ этого начинаю. Ты опять узнаешь, что я себя чувствую хорошо, и что я люблю тебя отъ всего сердца. Если бы ты была сейчасъ со мною! Здѣсь повсюду огромныя, широкія кровати, и тебѣ не пришлось бы сѣтовать, какъ иногда случается дома. Ахъ, дорогая! Нѣтъ ничего лучше, какъ быть вмѣстѣ! Мы будемъ вѣчно твердить это другъ другу, когда снова будемъ вмѣстѣ. Подумай! Мы такъ близко къ Шампани, но не можемъ достать ни одного стакана вина. Во Фрауэнпланѣ будетъ лучше, когда моя дорогая крошка будетъ завѣдывать кухнею и погребомъ.

Будь хорошей хозяйкой и приготовь мнѣ уютное жилище. Ухаживай за мальчикомъ и люби меня.

Люби меня! Ибо порою мысленно я бываю ревнивъ и представляю себѣ, что тебѣ можетъ больше понравиться кто-нибудь другой, такъ какъ я нахожу многихъ мужчинъ красивѣе и пріятнѣе меня. Но ты не должна этого видѣть, а должна считать лучшимъ меня, потому что я тебя ужасно люблю, и, кромѣ тебя, мнѣ никто не нравится. Я часто вижу тебя во снѣ, вижу разную путаницу, но всегда вижу, что мы

любимъ другъ друга. Пусть такъ это и останется.

Моей матери я заказалъ двѣ перины и подушки изъ перьевъ, и еще много хорошихъ вещей. Сдѣлай такъ, чтобы домикъ нашъ былъ въ порядкѣ, остальное будетъ устроено. Въ Парижѣ будетъ всякая всячина, во Франкфуртѣ есть еще разная мелочь. Сегодня отослана корзинка съ ликеромъ и тючекъ бисквитовъ. Буду постоянно присылать что-нибудь въ хозяйство. Только люби меня и будь вѣрною крошкой, остальное приложится. Пока у меня не было твоего сердца, на что мнѣ было все остальное? Теперь, когда оно принадлежитъ мнѣ, я хочу удержать его. Зато и я – твой. Поцѣлуй малютку, поклонись г. Мейеру и люби меня.

Лагерь подъ Верденомъ, 10 сентября 1792 г.

Г.

Беттина фонъ-Арнимъ – Гёте

Беттина фонъ АРНИМЪ (1785—1859), нѣмецкая писательница, восторженная поклонница Гёте, пробралась въ 1807 г., переодѣтая въ мужское платье, въ Веймаръ, чтобы увидѣть Гёте, о которомъ много слышала въ дѣтствѣ. Романъ свой съ Гёте она описала въ произведеніи: «Переписка Гёте съ ребенкомъ». Въ 1811 г. Беттина вышла замужъ за Арнима.

Вартбургъ, 1 августа, ночью.

Другъ, я одна; все спитъ, а мнѣ мѣшаетъ спать то, что я только что была съ тобою. Гёте, быть можетъ, то было величайшимъ событіемъ моей жизни; быть можетъ, то былъ самый полный, самый счастливый мигъ; лучшихъ дней у меня не будетъ, я ихъ не приняла бы.

То былъ послѣдній поцѣлуй, съ которымъ я должна бы-

ла уйти, а, между тѣмъ, я думала, что должна слушать тебя вѣчно; когда я проѣзжала по аллеямъ и подъ деревьями, въ тѣни которыхъ мы вмѣстѣ гуляли, то мнѣ казалось, что я должна уцѣпиться за каждый стволъ, — но исчезли знакомыя зеленыя пространства, отступили вдаль милыя лужайки, давно исчезло и твое жилище, и голубая даль одна, казалось, хранила загадку моей жизни; наконецъ, исчезла и она, и у меня ничего не осталось, кромѣ моего горячаго желанія, и слезы лились у меня изъ глазъ отъ этой разлуки; ахъ, въ ту пору вспомнила я все, — какъ ты въ ночные часы бродилъ со мною, какъ улыбался, когда я гадала тебѣ по облакамъ, рассказывала про мою любовь, про мои прекрасные сны, какъ ты внималъ со мною шелесту листьевъ, колеблемыхъ ночнымъ вѣтромъ, тишинѣ далекой, широко раскинувшейся ночи. И ты любилъ меня, знаю; когда за руку ты велъ меня по улицамъ, я чувствовала по твоему дыханію, по звуку твоего голоса, по тому (какъ это объяснить), что меня словно обвѣвало, — я чувствовала, что ты допускаешь меня въ твою внутреннюю, сокровенную жизнь, что въ эту минуту ты обращаешь ко мнѣ одной, и ничего не желаешь, какъ только быть со мною; кто можетъ отнять у меня это? Что мною утрачено? Другъ, *я владѣю всѣмъ, что когда-либо получила.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.